

Часть первая

Плод греха

I

Вечером накануне дня Святого Симона парусная ладья Борда, сына Петера, причалила к песчаной отмели у Биргси. Сам аббат Улав из Нидархолмского монастыря¹ выехал верхом на берег встретить своего родича Эрленда, сына Никулауса, и поздравить с приездом его молодую жену. Аббат пригласил новобрачных быть его гостями и переночевать в Вигге.

Эрленд провел по мосткам смертельно бледную молодую женщину — Кристин чувствовала себя отвратительно. Аббат шутливо заговорил о тяготах морского перехода; Эрленд рассмеялся и сказал, что его жене, верно, хочется поскорее лечь в постель, крепко приделанную к стене горницы. Кристин изо всех сил старалась улыбаться, а про себя думала, что по доброй воле никогда в жизни не взойдет на корабль. Ее начинало тошнить, едва Эрленд приближался к ней, — так пахло от него кораблем и морем; волосы у него совершенно слиплись от соленой воды и висели космами. Он был просто пьян от радости, пока они плыли на корабле. А господин Борд смеялся: там у них, в Мёре, где он вырос, мальчишки не вылезают из лодок, плавают под парусами и гребут с раннего утра и до поздней ночи. Правда, и Эрленд и господин Борд немного жалели Кристин, но, ей казалось, недостаточно — так ей было

¹ Нидархолмский монастырь был расположен на островке у г. Нидароса.

худо. Они все твердили, что морская болезнь прекратится, как только привыкнешь к плаванию на корабле. Но ей было одинаково скверно все время.

Даже на следующее утро, когда она ехала верхом через поселки, ей казалось, что она все еще плывет по морю. Дорога шла то вниз, то вверх по большим, крутым глинистым холмам, и если Кристин пробовала глядеть, не отводя взора, на какую-нибудь точку впереди, среди дальних лесистых гор, то будто вся местность кругом уходила из-под ног, вздымалась волнами и обрушивалась на светлое, голубоватое зимнее утреннее небо.

Целая толпа друзей и соседей Эрленда явилась с утра в Вигг проводить новобрачных до дому, так что ехали они в сопровождении огромной свиты. Земля звенела под копытами — она была тверда, как железо, от заморозков. От людей и лошадей шел пар; иней оседал на телах животных, на волосах и меховой одежде мужчин. Эрленд казался таким же седым, как и аббат, лицо его разгорелось от утреннего питья и жгучего ветра. На нем была брачная одежда, и он выглядел таким юным, таким радостным, что весь светился; в его красивом, мягком голосе слышались веселость и озорство, когда он, смеясь, переключался с гостями.

Сердце у Кристин начало как-то странно трепетать — от грусти, от нежности, от страха. Она не совсем оправилась после морского перехода, а тут еще эта болезненная изжога, которая появлялась теперь, стоило ей только съесть или выпить что-нибудь, хотя бы самую малость; ей было ужасно холодно, а душу жгла глухая злоба на Эрленда за то, что он так беспечен... И все же теперь, когда она увидела, с какой доверчивой гордостью, с каким сияющим ликованием везет он ее к себе домой как супругу, в глубине ее души зашевелилось горькое раскаяние; грудь заняла от сострадания к нему. И она пожалела, что послушалась тогда совета, подданного ее своеволием, и не дала понять Эрленду, когда он был у них дома минувшим летом, что совсем

не годится справлять их свадьбу с излишним шумом. Но тогда ей хотелось, чтобы он сам понял — без унижений им не уйти от деяний своих...

...Да и, кроме того, она побоялась отца. И думала, что потом, когда их брак будет запит свадебным пивом, они уедут так далеко и ей не скоро придется увидеть опять свою родную долину... А тогда уже прекратятся навсегда всякие толки о ней...

Теперь она увидела, что все обернулось гораздо хуже... Правда, Эрленд говорил, что хочет устроить в Хюсабю большой пир по случаю возвращения домой, но она и в мыслях не имела, что тут будет как бы второе свадебное пиршество. А ведь здешние гости — это люди, среди которых им с Эрлендом жить, их уважение и дружбу им нужно приобрести. У этих людей перед глазами все эти годы проходили сумасбродства и несчастья Эрленда. И ныне он сам поверил, что поднялся в их мнении, что займет теперь место между равными себе, на которое имеет право и по рождению и по состоянию. А вот теперь он станет посмешищем во всей округе, когда выяснится, что он согрешил со своей собственной нареченной невестой...

Аббат наклонился с седла к Кристин:

— Что вы такая грустная, Кристин, дочь Лавранса? Все еще не оправились от морской болезни? Или, быть может, тоскуете по матушке?

— Да, господин, — сказала тихо Кристин, — я задумалась о матери.

Так добрались они до Скэуна¹. Ехали высоко по лесистому горному склону. Под ними в глубине долины стоял лиственный лес, белый и косматый от инея; все сверкало на солнце, и далеко внизу чуть поблескивало

¹ Скэун — округ в области Трёнделаг, или Трондхейм, около г. Нидарос (ныне Тронхейм); здесь находилось имение Эрленда — Хюсабю.

синее озерко. Потом выехали из елового бора. Эрленд протянул руку:

— Видишь, вот и Хюсабю, Кристин! Дай тебе Боже провести там много радостных дней, жена моя! — произнес он взволнованным голосом.

Перед ними простирались обширные, белые от инея пашни. Усадьба стояла, словно на широкой полке, прямо посередине склона холма. Ближе всего была маленькая церковка из светлого камня, а прямо на юг от нее — дома. Их было много, и они были большие; дым клубами поднимался из отдушин. Зазвонили колокола, и народ потоком хлынул из усадьбы навстречу с громкими приветственными криками. Молодежь среди поезжан стала бить оружием по оружию — с шумом, с гамом, с радостными криками двигался свадебный поезд к усадьбе новобрачного.

Остановились перед церковью; Эрленд снял с лошади молодую и повел ее за руку к входу в церковь, где стояла вышедшая к ним навстречу целая толпа священников и служителей. В церкви был пронизывающий холод, дневной свет просачивался через маленькие полукруглые окна, рассеивая бледное сияние свечей на хорах.

Кристин почувствовала себя потерянной и испуганной, когда Эрленд выпустил ее руку и перешел на мужскую сторону, тогда как она вошла в толпу чужих, празднично одетых женщин. Служба была истовой. Но Кристин казалось, что ее молитвы неслись, как дуновение, обратно к ней, когда она делала попытку облегчить свое сердце и вознести его горé. Она подумала: быть может, это недобрый знак, что сегодня Симонов день — день святого покровителя того человека, с которым она поступила нехорошо.

Из церкви все направились процессией к усадьбе: впереди — священники, потом Кристин с Эрлендом

рука об руку и, наконец, гости пара за парой. Кристин не могла настолько собраться с духом, чтобы как следует разглядеть усадьбу. Двор был длинный и узкий; дома расположены в два ряда по южной и по северной стороне. Они были большие и тесно примыкали один к другому, но по виду казались ветхими и запущенными.

Шествие остановилось у двери жилого дома, и священники окропили ее святой водой. Затем Эрленд повел Кристин через темные сенцы. Справа от нее запахнулась дверь, и хлынул поток ослепительного света. Кристин нагнулась, проходя под притолокой, и очутилась вместе с Эрлендом в его горнице.

Такого огромного покоя Кристин еще никогда не видела ни в чьем жилом доме. Посредине пола был устроен очаг, такой длинный, что огонь был зажжен по обоим концам его; покой был такой ширины, что поперечные балки подпирались резными столбами, — Кристин показалось, что это скорее церковь или королевские палаты, чем горница в усадьбе. У восточной короткой стены, где посредине шедшей вдоль нее скамьи было почетное место, по бокам были вделаны между столбов закрытые со всех сторон кровати.

В горнице горело множество свечей — на столах, гнувшихся под тяжестью дорогих кубков и блюд, в канделябрах, приделанных к стенам. По стародавнему обычаю, между растянутыми по стенам коврами висели щиты и оружие. За почетным местом стена была обтянута бархатом, и какой-то человек навешивал там теперь отделанный золотой насечкой меч Эрленда и его белый щит с красным вздыбленным львом.

Слуги и служанки приняли от гостей их верхнюю одежду. Эрленд взял свою супругу за руку и подвел к очагу; гости расположились сзади них полукругом. Какая-то толстая женщина с добродушным лицом выступила вперед и оправила на голове Кристин слегка смявшуюся полотняную повязку. Отступая назад на свое

место, она кивнула молодым и улыбнулась. Эрленд с улыбкой кивнул ей в ответ и взглянул на жену. В этот миг он был так красив лицом! И опять Кристин почувствовала, что сердце у нее упало, — ей стало ужасно жалко Эрленда. Она знала, о чем он сейчас думает, глядя, как она стоит здесь, в его горнице, в длинной белоснежной полотняной повязке, спускающейся на алое подвенечное платье. Сегодня утром Кристин пришлось туго обмотать себе живот под платьем длинным тканым поясом, чтобы оно сидело на ней красиво, и натереть щеки румянами, которые подарила ей фру Осхильд. И тогда, приводя себя в порядок, Кристин подумала гневно и горестно, что Эрленд не очень-то часто посматривает на нее теперь, когда она всецело принадлежит ему, раз он до сих пор ничего не понимает! Теперь она горько раскаивалась в том, что ни о чем ему не рассказала.

Пока новобрачные стояли так, рука об руку, священники обходили кругом всю горницу, благословляя дом, и очаг, и постель, и стол.

Затем служанка подала Эрленду ключи от хозяйства. Эрленд прицепил тяжелую связку к поясу Кристин, — и было видно при этом, что ему больше всего хотелось бы тут же поцеловать жену. Какой-то мужчина поднес большой рог, оправленный в золотые кольца, — Эрленд поднес его к губам и выпил за здоровье Кристин.

— Добро пожаловать в дом свой, хозяйка!

А гости стали кричать и смеяться, пока она пила вместе с мужем своим, выплеснув затем остатки вина на огонь очага.

Тут игроки заиграли, и Эрленд, сын Никулауса, провел свою супругу на почетное место, а свадебные гости сели за столы.

На третий день гости начали разъезжаться, на пятый день к вечернему часу уехали и последние. И вот Кристин осталась одна со своим мужем в Хюсабю.

Первым делом она велела слугам вынуть все из кровати, вымыть ее и стены кругом щелоком, а солому выкинуть и сжечь. Затем велела положить в кровать свежей соломы и застелила ее постельным бельем из того, что она привезла с собой. Уже был поздний вечер, когда эта работа закончилась. Кристин приказала сделать то же самое со всеми кроватями в усадьбе и пропарить в бане все меховые покрывала, — служанки должны были заняться этим сразу же с утра со всем усердием, чтобы справиться с работой до наступления праздника. Эрленд качал головой и смеялся: вот так жена! Но ему было довольно стыдно.

Кристин почти не спала первую ночь, хотя священники и благословили ее постель. Подушки были в шелковых наволочках, кровать застлана полотняной простыней, прекраснейшими покрывалами и мехами, но снизу лежала грязная и сгнившая солома; в великолепной черной медвежьей шкуре, лежавшей сверху, были вши.

Много чего увидела Кристин уже за эти дни. Под дорогими коврами, покрывавшими стены, бревна сруба были не отмыты от копоти и грязи. Огромное количество кушаний подавалось на пиру, но многое было испорчено и скверно приготовлено. Чтоб развести огонь в очаге, приходилось брать сырые дрова, которые ни за что не хотели загораться и наполняли горницу дымом.

Запущенность в хозяйстве Кристин видела повсюду, совершая на второй день обход вместе с Эрлендом и осматривая усадьбу. Когда прием гостей закончится, все клетки и сараи опустеют; закрома с мукой уже почти подчищены. И не могла она понять, каким образом предполагает Эрленд прокормить всех лошадей и такое множество рогатого скота теми запасами сена и соломы, которые у него были, а листовного корма не хватит, пожалуй, и на мелкий рогатый скот.

Но зато нашелся чердак, наполовину полный льном, никак не использованным, — тут, должно быть, сложили большую часть урожая многих лет. И потом еще

сарай, набитый старой-престарой немытой и вонючей шерстью, частью в мешках, а частью просто наваленной как попало. Когда Кристин взяла горсть, из нее дождем посыпались маленькие коричневые яички: в шерсти завелись моль и черви.

Скотина была в жалком состоянии, заморенная, опаршивевшая и в струпьях, — никогда еще Кристин не приходилось видеть столько одряхлевших животных сразу в одном месте. Только кони были красивы и хорошо содержались. Но ни одного из них нельзя было и сравнить с Гюльдсвейном или с Рингдроттом — тем жеребцом, который был у ее отца теперь. Слёнганбэуге, подаренный ей отцом и приведенный Кристин сюда, был самым красивым конем из всех, что стояли на конюшне в Хюсабю. Подойдя к нему, Кристин невольно обняла его за шею и прижалась лицом к конской морде. А эти здешние вельможи разглядывали коня и расхваливали его крепкие сильные ноги, выпуклую грудь, высокую шею, маленькую голову и широкий круп. Старик из Гимсара чертыхался и божился, что это был сущий грех — холостить такую лошадь, — какой из него вышел бы боевой конь! Тут Кристин немного похвасталась отцом его, Рингдроттом. Тот был гораздо больше и сильнее, ни один жеребец не мог перегнать его. Ведь отец Кристин выпускал его против самых знаменитых коней со всех округ, вплоть до самого Согна. Удивительные имена дал Лавранс этим коням — Рингдротт и Слёнганбэуге¹, потому что они были золотистой масти, как светлое золото, и словно помечены красновато-золотистыми кольцами. Мать Рингдротта как-то летом убежала из конюшни в горы; все думали, что ее задрал медведь, но она вернулась домой в усадьбу поздней осенью. И жеребенок, которого кобыла принесла год спустя, конечно, был зачат не от жеребца,

¹ *Рингдротт* — Король колец, *Слёнганбэуге* — Испещренный кольцами.

что принадлежал людям по эту сторону горного порога¹. Поэтому жеребенка окурили серой и хлебом, а кобылу Лавранс подарил церкви для пущей безопасности. Но жеребенок так выправился, что теперь Лавранс готов скорее лишиться половины своего имущества, чем Рингдротта.

Эрленд рассмеялся и сказал:

— Ты, Кристин, вообще не словоохотлива, но, когда заговоришь об отце, становишься красноречивой!

Кристин сразу же замолчала. Она вспомнила лицо отца, когда нужно было уезжать с Эрлендом и Лавранс подсаживал ее на коня. Он старался принять веселый вид, потому что вокруг них собралось столько народу, но Кристин увидела его глаза. Он погладил ее по плечу и взял за руку на прощание. А она думала тогда, как хорошо, что можно уехать из дому. Но теперь ей казалось, что, сколько бы она ни прожила на свете, душу ее будет жечь огнем, как только она вспомнит отцовские глаза в тот час.

И вот Кристин, дочь Лавранса, принялась хозяйничать в доме своем. По утрам она вставала с петухами, хотя Эрленд возражал и делал вид, будто хочет удержать ее силой в постели, — ведь никто же не ждет от молодой, чтобы она бегала по двору задолго до рассвета!

Когда Кристин увидела, как все здесь запущено и сколько тут такого, к чему нужно приложить руки, ее пронзила ясно осознанная мысль: пусть она взяла на свою душу грех и приехала сюда, но еще более грешно обходиться с Божьими дарами так, как с ними обходились здесь. Да будет стыдно тем, кто распоряжался тут до нее, и всем, кто допускал, чтобы имущество Эрленда

¹ «По эту сторону горного порога» (дословно — «по эту сторону камня») жили люди, а по ту сторону горного порога, то есть внутри гор, по норвежскому поверью, жили могущественные великаны — йотуны, или тролли.

так расточалось! В последние два года в Хюсабю не было настоящего распорядителя; сам Эрленд в это время часто бывал в отъезде, да и вообще он мало смыслил в ведении хозяйства. Поэтому неудивительно, что приказчики Эрленда в дальних приходах обманывают его — Кристин это было ясно, — а слуги и служанки в Хюсабю работают сколько им самим заблагорассудится и лишь тогда и так, как это их устраивает. Кристин было теперь нелегко опять наводить всюду порядок.

Однажды она заговорила об этом с Ульвом, сыном Халдора, личным слугой Эрленда. Нужно бы закончить теперь же обмолот зерна, во всяком случае усадебного — его не так-то уж и много, — пока не наступило время убоя скота на зиму. Ульв сказал:

— Ты знаешь, Кристин, я не усадебный работник. Нас с Хафтуром предназначали в оруженосцы Эрленда, и я уже мало что понимаю в делах крестьянских.

— Я знаю, — ответила хозяйка. — Но видишь ли, Ульв, нелегко мне будет управляться здесь зимой, ведь я тут, на севере, человек новый и незнакома с нашими людьми. Очень было бы хорошо с твоей стороны, если бы ты захотел пособить мне и поруководить мной.

— Я понимаю, Кристин, что нелегко тебе будет зимой, — сказал слуга, глядя на нее с улыбкой — с той странной улыбкой, что всегда у него появлялась, когда он разговаривал с Кристин или с Эрлендом. Он улыбался дерзко и насмешливо, но все же в его поведении чувствовались доброта и своего рода уважение к Кристин. К тому же Кристин казалось, что она не вправе оскорбляться, если Ульв обращается с ней развязнее, чем это может считаться пристойным. Сама она вместе с Эрлендом допустила, что этот слуга стал соучастником в их распутных и бесчестных деяниях. Кристин поняла, что он знает также, в каком она сейчас положении. Приходится это терпеть; и, кроме того, она видела, как Эрленд все позволяет Ульву, а тот не питает особого

почтения к своему хозяину. Но они дружили с детских лет. Ульв был родом из Мёре, отец его, мелкий крестьянин, жил около усадьбы Борда, сына Петера. Ульв был на «ты» с Эрлендом, а теперь и с Кристин, — но местные жители здесь, на севере, говорят «ты» гораздо чаще, чем у них дома.

Ульв, сын Халдора, был довольно красивый мужчина, высокий и смуглолицый, с прекрасными глазами, но грубый и несдержанный на язык. Кристин слышала о нем от служанок усадьбы гадкие вещи; когда он бывал в городе, то ужасно напивался, безобразничал и распутничал в портовых заведениях, но дома, в Хюсабю, он был человеком, на которого больше всего можно положиться, — самым толковым, самым работающим и самым рассудительным. Кристин привязалась к нему.

— Всякой женщине было бы нелегко явиться сюда в усадьбу после всего того, что тут делалось, — сказал он опять. — И все же я считаю, Кристин, хозяйка, что ты справишься лучше, чем это вышло бы у большинства женщин. Ты не из таких, чтобы сидеть да хныкать и плакать, ты будешь думать о том, как бы тебе самой спасти наследство для своего потомства, раз никто другой об этом не заботится. И ты отлично знаешь, что можешь положиться на меня; я буду помогать тебе, насколько окажусь способным. Ты должна помнить, что я непривычен к крестьянской работе. Но если ты станешь советоваться со мной и позволишь мне обращаться к тебе за советом, то мы как-нибудь одолеем эту зиму.

Кристин поблагодарила Ульва и вошла в дом.

У нее было тяжело на сердце от страха и беспокойства, но она пыталась забыть за работой. Одного она не понимала в Эрленде: по-видимому, он все еще ничего не подозревал! Но еще хуже было то, что она не чувствовала жизни в ребенке, которого носила. Она знала, что после двадцати недель он должен ожить, а теперь

уже прошло больше трех недель сверх этого срока. Она лежала по ночам, чувствуя бремя, которое росло, делалось тяжелее и продолжало оставаться все таким же тупым и безжизненным. Ей вспоминалось то, что она слышала о детях, рождавшихся параличными, с затвердевшими сухожилиями; о зародышах, которые появлялись на свет без рук, без ног и едва обладали человеческим образом. Перед ее закрытыми глазами представляли страшные маленькие грудные дети-уродцы; одно ужасное видение сменялось другим, еще более ужасным. Там, у них дома, на юге долины, в Листаде, в одной семье родился ребенок, — теперь он уже, наверное, взрослый. Отец Кристин видел его, но никогда не хотел о нем говорить; она заметила, что ему становилось нехорошо, когда кто-нибудь упоминал об этом. На что он мог быть похож?.. Ах нет! Святой Улав, помолись за меня!.. Нужно крепко верить в милосердие святого короля, ведь она же отдала свое дитя под его покровительство; терпеливо будет она страдать за свои грехи, полагаясь от всего сердца на милость для своего ребенка. Должно быть, сам нечистый искушает ее такими безобразными видениями, чтобы довести до отчаяния... Но по ночам было тяжело. Если у ребенка нет рук или ног, если он паралитик, то, понятно, мать не чувствует признаков его жизни!.. Эрленд замечал в полусне, что жена лежит беспокойно, крепче обнимал ее и прижимался лицом к ее шее под подбородком.

Днем Кристин вела себя как ни в чем не бывало. И каждое утро, одеваясь, заботилась о том, чтобы скрыть, хоть еще ненадолго, от слуг и служанок, что она ходит не одна.

В Хюсабю было принято, что после ужина все слуги расходятся по домам, где они спят. Поэтому Кристин и Эрленд оставались одни в большой горнице. Вообще здесь, в усадьбе, все свычаи и обычаи напоминали стародавние дни, когда у людей были рабы и рабыни для домашних работ. В горнице не стояло привычных столов; по утрам и вечерам накрывался большой стол,

положенный на козлы, и после трапезы его вешали на стену. Во время всякой другой еды люди брали пищу к себе на скамьи, там и ели. Кристин знала, что таков был раньше обычай. Но в нынешние времена, когда люди с трудом находят мужчин, чтобы прислуживать за столом, и всем приходится довольствоваться служанками для домашних работ, такой обычай уже больше не годится: женщины не желают выбиваться из сил и терять здоровье, поднимая тяжелые столы. Кристин вспомнила, как ее мать рассказывала, что в Сюдбю ввели постоянные столы, когда ей было всего восемь зим от роду, и женщины сочли это нововведение очень полезным. Теперь им больше не надо было уходить в терем с разным шитьем, можно было сидеть в горнице, где всегда горели свечи в подсвечниках, а на столе красовалась выставленная напоказ ценная посуда. Кристин подумала: к лету она попросит Эрленда поставить стол у северной длинной стены.

Так было у них дома, а отцовское почетное место находилось в конце стола, кровати стояли у стены, отделяющей горницу от сеней. Дома ее мать сидела выше всех на крайней скамье, чтобы можно было уходить и приходиться присматривать за тем, как подают на стол. Только когда бывали гости, Рагнфрид садилась рядом с хозяином дома. Но здесь почетное место было посредине восточной стены, и Эрленд выразил желание, чтобы Кристин всегда сидела там вместе с ним. Дома отец всегда просил божьих слуг садиться на почетное место, если такие гости посещали Йорюндгорд, и сам он с Рагнфридом прислуживал им, пока те ели и пили. А Эрленд так не поступал, разве только когда гости бывали высокого звания. Он не очень любил священников и монахов: эти друзья обходятся дорого, так он считал. Кристин не могла не вспомнить о том, что всегда говорили ее отец и отец Эйрик, когда люди жаловались на жадность церковников к деньгам: каждый забывает о своем греховном удовольствии, когда ему приходится платить за него.

Кристин расспрашивала Эрленда о жизни, которую вели здесь, в Хюсабю, в стародавние дни. Но тот знал об этом до странности мало. Он слышал то-то или то-то, если память его не обманывает, но не мог ничего вспомнить как следует. Этим поместьем владел король Скуюле, и он же строил здесь, — говорят, имел намерение превратить Хюсабю в свою главную усадьбу после того, как отдал Рейн женскому монастырю. Эрленд очень гордился своим происхождением от герцога, которого всегда называл королем¹, и от епископа Никулауса; тот был отцом его деда Мюнана, Епископского сына. Но Кристин казалось, что Эрленд знает об этих людях не больше, чем известно ей самой из рассказов отца. Дома у них было иначе. Ни отец ее, ни мать не кичились могуществом и почестями своих отдаленных предков. Но они часто поминали их, выставляя все то хорошее, что им было о них известно, в виде доброго примера и рассказывая об их ошибках и о том зле, которое проистекло от этого, в виде предостережения. Знали они и шутливые предания о Йеслинге Иваре Старом и его вражде с королем Сверре, о быстрых и остроумных ответах Ивара Провста, о невероятной тучности Ховарда Йеслинга, о неслыханной охотничьей удаче Ивара Младшего Йеслинга. Лавранс рассказывал о брате своего деда, который увез шведскую королеву из монастыря Врета², о своем деде, шведском рыцаре Кетиле, и о своей бабке Рамборг, дочери Сюне, которая вечно тосковала по дому в Вестергэутланде и, едуци по озеру Вэнер, провалилась под лед, когда однажды гостила у своего

¹ Ярл — впоследствии герцог — Скуюле, возглавлявший вместе с епископом Никулаусом аристократическую партию баглеров, претендовал на королевское звание, но не получил официального признания. Мюнан, Епископский сын, и его сын Никулаус — также исторические лица.

² Похищение Лаврансом Лагманом шведской королевны из монастыря Врета описывается в ряде старинных исторических легенд и баллад.

брата на Сульберге¹. Он рассказывал о воинской отваге своего отца и о его несказанной печали, когда он потерял свою первую юную супругу Кристин, дочь Сигурда, умершую при рождении Лавранса. И читал по книге о своей прабабке, святой фру Элин из Скёвде, сподобившейся принять мученическую смерть за Господа. Отец часто говорил, что ему с Кристин следует совершить паломничество на могилу этой святой вдовы. Но так и не собрался.

В своем страхе и отчаянии Кристин пыталась молиться этой святой, с которой была связана узами кровного родства. Она молилась святой Элин о своем ребенке и целовала крест, полученный от отца; в этом кресте был кусочек савана святой женщины. Но Кристин, с тех пор как сама навлекла на свой род такой позор, боялась святой Элин. Когда же она молилась святому Улаву и святому Томасу об их заступничестве, она часто чувствовала, что ее мольбы доходят до живого слуха и до сострадательных сердец. Этих двух праведных мучеников ее отец любил больше всех других святых, даже больше самого святого Лаврентия, хотя и носил его имя и всегда отмечал его день в конце лета большим пиром и щедрой милостыней. Святого Томаса отец сам видел как-то во сне, когда лежал раненый под Богахюсом. Никто из людей не мог бы высказать словами, какой был ласковый и почтенный вид у святого, да и сам Лавранс не мог ничего вымолвить и только повторял: «Господи! Господи!» Но окруженный сиянием епископ благостно прикоснулся к его ране и пообещал Лаврансу, что он будет жить, выздоровеет и опять увидит жену и дочь, как он молил о том. А перед тем никто не верил, что Лавранс, сын Бьёргюльфа, доживет до рассвета.

— Да, — сказал Эрленд. — Всякое говорят. Со мной-то никогда такого не случилось, да, верно, и не случится: ведь я не отличался благочестием, не то что Лавранс!

¹ Вёстергэутланд, озеро Вэнер, Сульберга находятся в Швеции.

Затем Кристин спрашивала Эрленда, кто это был с ними на пиру, когда они прибыли в Хюсабю. Эрленд и о них не мог ничего толком рассказать. Кристин поразило, что ее муж не походит на местных жителей. Многие из них были красивы, светловолосы и краснощеки, сильные и крепкого телосложения, среди стариков встречались невероятно тучные. Эрленд казался заморской птицей среди своих гостей. Он был на голову выше большинства мужчин, строен и худощав, с тонкими руками и ногами. И у него были черные, мягкие как шелк волосы, смуглая бледность кожи, но голубые глаза под черными как уголь бровями и пушистыми черными ресницами. Лоб у него был высокий, виски впалые, нос немного великоват, а рот несколько маловат и слишком слабый для мужчины. И все же Эрленд был красив! Никто из мужчин не был и вполовину так красив, как Эрленд. Даже его мягкий, тихий голос не походил на тяжелую речь других людей.

Эрленд рассмеялся и сказал, что ведь род-то его происходит не из этих мест, если не считать его прабабки, Рагнрид, дочери Скюле. Люди говорят, что он очень похож на своего деда с материнской стороны, Гэуте, сына Эрленда, из Скугхейма. Кристин спросила, а что ему известно об этом человеке. Оказалось — почти ничего.

Как-то вечером Эрленд и Кристин раздевались. Эрленд не мог развязать завязку башмака и разрезал ремешок; нож соскользнул и поранил ему руку. Эрленд потерял много крови и страшно ругался. Кристин достала полотняную тряпочку из своего сундучка. Она была в одной сорочке. Эрленд обнял стан жены здоровой рукой, пока Кристин делала перевязку.

Вдруг он испуганно и смущенно заглянул ей в лицо и густо покраснел. Кристин поникла головой.

Эрленд убрал руку. Он ничего не сказал, когда Кристин тихо отошла от него и забралась в постель. Сердце

у нее билось глухо и сильно. Изредка она поглядывала на мужа. Тот повернулся к ней спиной и медленно снимал с себя одежду. Потом подошел к кровати и улегся.

Кристин ждала, что он заговорит. Она ждала с таким нетерпением, что по временам сердце ее словно не билось, а трепеща замирало у нее в груди.

Но Эрленд не сказал ни слова. И не привлек ее в свои объятия.

Наконец он нерешительно положил свою руку ей на грудь, прижавшись подбородком к ее плечу так, что колючая щетина бороды вонзилась Кристин в тело. Он все еще ничего не говорил, и Кристин повернулась к стене.

Она словно погружалась и погружалась куда-то. Нет у него для нее ни единого слова, а ведь теперь он знает, что она носила его дитя все это долгое, тяжелое время. Кристин стиснула зубы в темноте. Умолять его она не будет, — если он хочет молчать, она тоже будет молчать — хоть до самого того дня, когда у нее родится *она*. Гнев заливал ее душу. Но она лежала тихонько, как мертвая, у стены. И Эрленд тоже лежал тихо в темноте. Час за часом лежали они так, и каждый из них знал, что другой не спит. Наконец Кристин услышала по его ровному дыханию, что он задремал. Тогда она дала волю своим слезам — от горя, от оскорбления, от стыда. И ей казалось, что этого она никогда ему не простит.

Три таких дня прожили Эрленд и Кристин. «Он ходит словно мокрая собака», — думала о нем молодая жена. Ее бросало в жар и холод от гнева, она не помнила себя от озлобления, видя, что, он испытующе поглядывает на нее, но немедленно отводит глаза, если она обращает к нему свой взгляд.

На четвертый день утром Кристин сидела в горнице, когда туда вошел Эрленд, одетый для поездки верхом. Он сказал, что едет на запад, в Медалбю. Не хочет

ли она поехать вместе с ним взглянуть на усадьбу — она ведь принадлежит ей как свадебный подарок от мужа. Кристин ответила: «Хорошо», и Эрленд сам помог ей натянуть мохнатые сапоги и надеть черный с серебряными застежками плащ с рукавами.

Во дворе стояли четыре оседланные лошади, но Эрленд сказал, что Хафтур и Эгиль могут оставаться дома и помогать молотить. Потом сам посадил жену в седло. Кристин поняла, что Эрленд задумал поговорить о том, что лежало между ними невысказанным. И все же он ничего не сказал, пока они медленно ехали на юг к лесу.

Уже давно начался месяц убоя скота, но снег еще не выпал в этой стороне. День был свежий и чудесный; солнце только что поднялось, и лучи его сверкали и отливали золотом на белом инее повсюду — на земле и на деревьях. Кристин и Эрленд ехали по пашням Хюсабю. Кристин заметила, что засеянных участков и жнивья было мало, больше пустоши и старых лугов, кочковатых, замшелых, поросших ольховыми побегам. Она сказала об этом.

Муж ответил развязно:

— Разве ты не знаешь, Кристин, — ты же так хорошо понимаешь и в хозяйстве, и в управлении имуществом, — вращивать хлеба вблизи торгового города невыгодно: гораздо больше получаешь, обменивая масло и шерсть на зерно и муку у приезжих купцов...

— Тогда тебе следовало бы обменять все то, что валется у тебя по чердакам и давно испортилось, — сказала Кристин. — Но вот что я знаю: закон гласит, что каждый, кто нанимает пахотную землю, должен сеять зерно на трех четвертях земли, а четвертый участок оставлять под паром. И поместье землевладельца не должно быть в худшем состоянии, чем усадьбы издольщиков. Так всегда говорил мой отец.

Эрленд засмеялся и ответил:

— Я никогда не спрашивал, что гласят об этом законы. Если я получаю все, что мне полагается, то мои

крестьяне могут вести хозяйство в своих усадьбах как им заблагорассудится, а я управляю своим в Хюсабю так, как мне этого хочется и как я считаю лучшим.

— Что же, ты хочешь, значит, быть умнее наших далеких предков, — спросила Кристин, — и святого Улава и короля Магнуса, издавших эти законы?

Эрленд опять рассмеялся и сказал:

— Я над этим не задумывался! Но, черт возьми, до чего хорошо ты разбираешься в законах, Кристин.

— Я немного разбираюсь в этом, — промолвила Кристин, — потому что мой отец нередко просил Сигурда из Лоптсгорда читать нам наизусть законы, когда тот приходил к нам, а мы сидели по вечерам дома. Отец считал, что будет полезно и для слуг, и для молодежи знать об этих вещах, и вот Сигурд читал нам то одну главу законов, то другую.

— Сигурд?.. — сказал Эрленд. — Ах да, теперь я вспомнил! Я видел его на нашей свадьбе. Такой длинноносый беззубый старикашка, который пускал слюни, плакал и похлопывал тебя по груди, — он был пьян как стелька еще и утром, когда народ поднялся к нам посмотреть, как я надеваю на тебя брачную повязку...

— Он знал меня уж я не помню с каких пор, — сердито сказала Кристин. — Он часто сажал меня к себе на колени и играл со мной, когда я была еще девчонкой.

Эрленд опять засмеялся:

— Удивительное развлечение — сидеть да слушать, как этот старикан гнусаво распевает статьи законов одну за другой. Да, Лавранс во всех отношениях не похож на остальных людей, — впрочем, ведь говорят, что если мужик будет знать досконально законы страны, а жеребец свою силу, то уж пусть тогда сам черт будет рыцарем!

Кристин вскрикнула и ударила своего коня по крупу. Эрленд сердито и изумленно глядел на жену, скакавшую прочь от него.

Вдруг он пришпорил коня. Боже мой, брод! Ведь там нельзя теперь переехать — глинистый берег сполз осенью... Слэнгванбэуге припустил сильнее, услышав, что его догоняет другая лошадь. Эрленд смертельно испугался — как Кристин скачет вниз по крутым склонам! Он пронесся мимо нее через кустарник и потом повернул на дорогу в том месте, где небольшой участок ее был довольно ровным, так что Кристин пришлось остановиться. Подъехав к ней, Эрленд увидел, что она и сама немного испугалась.

Эрленд перегнулся с седла к жене и звонко ударил ее по щеке, — Слэнгванбэуге отпрянул в сторону, испугавшись, и попятился.

— Ты заслужила это, — сказал Эрленд дрожащим голосом, когда лошади успокоились и они опять ехали бок о бок. — Так скакать вне себя от злости!.. Ты напугала меня!..

Кристин отвернулась, чтобы он не мог видеть ее лицо. Эрленд пожалел о том, что ударил ее. Но еще раз сказал:

— Да, ты испугала меня, Кристин. Так мчаться во весь опор! Да еще теперь... — произнес он совсем тихо.

Кристин не отвечала и не глядела на него. Но Эрленд чувствовал, что она теперь не так сердита, как раньше, когда он высмеивал ее родню. Он был очень изумлен этим, но видел, что это так.

Они приехали в Медалбю, и крестьянин — наемщик Эрленда вышел к ним навстречу, приглашая войти в горницу. Но Эрленд заявил, что они хотят сперва осмотреть усадебные постройки и Кристин пойдет тоже.

— Усадьба принадлежит отныне ей, а она разбирается в таких вещах лучше меня, Стейн! — сказал он, смеясь.

Подошли еще несколько крестьян, они должны были быть свидетелями, — некоторые из них тоже нанимали у Эрленда землю.

Стейн переехал в усадьбу в этом году и уже несколько раз просил землевладельца приехать и посмотреть, в каком состоянии находились постройки, когда он принял их, или же прислать своего уполномоченного. Крестьяне засвидетельствовали, что действительно ни одна из построек не защищала от непогоды, а те, которые совсем развалились, уже были такими, когда сюда приехал Стейн. Кристин видела, что это хорошая усадьба, но только запущена. Она поняла, что Стейн человек дельный, да и Эрленд отнесся к нему очень снисходительно и пообещал скинуть кое-что с платежа, пока тот не обновит постройки.

Потом все пошли в горницу, где на стол были поданы вкусные яства и крепкое вино. Жена крестьянина попросила у Кристин прощения за то, что не вышла ее встретить. Но муж, сказала она, не позволяет ей выходить из дому, пока она еще не побывала в церкви после родов. Кристин ласково поздоровалась с женщиной и захотела пройти к колыбели и взглянуть на дитя. Это был первенец молодой четы — мальчуган двенадцати дней от роду, большой и крепкий.

Эрленда и Кристин провели на почетное место; все уселись и ели и пили довольно долго. Кристин разговаривала больше всех за едой; Эрленд говорил мало, крестьяне тоже, но все же Кристин показалось, что она им понравилась.

Тут проснулся ребенок. Он сперва попищал, но потом стал так ужасно кричать, что матери пришлось взять его из колыбели и дать ему грудь, чтобы успокоить. Когда ребенок насытился, Кристин взяла его от матери к себе на руки.

— Смотри, муж, — сказала она, — какой красивый и крепкий парень!

— Да, да, конечно, — отвечал Эрленд и не взглянул на них.

Кристин посидела немного с ребенком, прежде чем отдать его обратно матери.

— Я пришлю какой-нибудь подарок твоему сыну, Арндис, — сказала она, — потому что это первый ребенок, которого я держала на руках своих с тех пор, как приехала сюда, на север.

Вызывающе, в упор, но слегка улыбаясь, взглянула Кристин на своего мужа, а потом на крестьян, сидевших на скамьях. У одного-двух чуть-чуть дрогнули углы рта, однако они продолжали смотреть прямо перед собой с лицами, надутыми от важности. Тут поднялся на ноги какой-то древний старичок, уже изрядно выпивший. Он вынул из чаши с пивом ковш, положил его на стол и высоко поднял тяжелый сосуд:

— Так выпьем же за то, хозяйка, чтобы следующее дитя, которое ты возьмешь на руки, было новым хозяином в Хюсабю!

Кристин поднялась с места и приняла тяжелую чашу. Сперва она поднесла ее своему мужу. Эрленд только прикоснулся к чаше губами, но Кристин пила долго.

— Спасибо на приветливом слове, Йон из Скуга, — сказала она, кивнув ему радостно и ласково улыбаясь. Потом передала чашу дальше.

Эрленд сидел весь красный и, как заметила Кристин, очень сердился. Но ею овладела какая-то непонятная веселость, хотелось смеяться и радоваться. Вскоре Эрленд подал знак, что пора кончать, и они отправились в обратный путь.

Они проехали часть пути не разговаривая, как вдруг Эрленд сказал запальчиво:

— Ты полагаешь, это так необходимо, чтобы наши крестьяне знали от тебя, что ты вышла замуж беременной?.. Могу прозакладывать свою душу дьяволу, что сплетня о нас скоро разнесется по всем берегам нашего фьорда...

Сначала Кристин ничего не ответила. Она смотрела прямо перед собой через голову коня, и лицо у нее так побелело, что Эрленд испугался.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. ПЛОД ГРЕХА	5
Часть вторая. ХЮСАБЮ	145
Часть третья. ЭРЛЕНД, СЫН НИКУЛАУСА	347